

Когда Чи Нин принял высочайшее повеление подобрать супругу для наследника князя Цзина, его привычный титул оборонного евнуха Цзянцзо остался в прошлом. Отныне его имя украшала новая, куда более звучная должность — генеральный управляющий евнух Дирекции дворцового хозяйства.

Круг обязанностей Дирекции дворцового хозяйства отличался редкой пестротой. Её ведению подлежало всё: от армейского пороха до бритья императорских щек; сюда же, разумеется, относились и брачные союзы членов правящего дома.

В первые десятилетия после воцарения династии Великая Ци эта дирекция по праву считалась важнейшим ведомством Внутреннего дворца. Однако времена меняются, и ни один цветок не цветет вечно. В наши дни былая слава померкла настолько, что юные слуги, не знавшие старых порядков, то и дело недоуменно вопрошали: «Отчего же в эпохи Тай-цзу и Тай-цзуна величайшие и всемогущие евнухи соглашались служить в каком-то дворцовом хозяйстве?»

Чи Нин узнал об этом невежестве из первых уст. Едва покинув пределы императорского дворца по дороге к новому месту службы, он наткнулся на оживленную перебранку двух юных слуг.

Один был в синем халате, другой — в зеленой безрукавке. Оба выглядели совсем юными, в том самом нежном возрасте, когда им надлежало усердно протирать штаны за партами Императорской школы евнухов.

Эти малолетние глупцы устроились прямо на каменных тумбах у входа в ведомство и спорили с таким важным видом, словно древние мудрецы, рассуждающие о движении светил. Их звонкие голоса разносились далеко по улице, привлекая внимание каждого прохожего. А предмет их яростного спора оказался на редкость забавным: мальчишки выясняли, существовал ли на самом деле великий покровитель их ремесла — евнух Течжу.

Первым подал голос синекафтанник. Был он косоглаз, со скудными бровями и лицом на редкость невзрачен, да и манера речи его не отличалась изяществом:

— Этот евнух Течжу — просто сказка для малых детей! Если бы он и впрямь существовал, то как мог родиться в эпоху Великой Ци? Евнухи служили ещё при династии Цинь!

В любом из трехсот шестидесяти ремесел чтят своего прародителя. Пушкарки молят о заступничестве бога огня Чжуруна, актеры бьют поклоны императору Мин-хуану, и у евнухов, разумеется, тоже имелся свой покровитель. Без почитания предков никакое дело не устоит.

Основатель, которого превозносили здешние слуги, носил прямое, грубое и на редкость мужественное имя: по фамилии Те, по имени Чжу, а в народе прозван Течуем — Железным Молотом. Предание гласило, что он совершил великие подвиги, защищая основателя династии. В память о его заслугах последующие поколения кастратов основали при Храме Верности и Защиты Отечества знаменитое Общество Диншань.

Мальчик в зеленой безрукавке, сидевший по правую сторону порога, обладал тонкими, приятными чертами лица. Он был из тех благообразных, опрятных отроков, которые невольно радовали взор Чи Нина, да и говорил он плавно, складно и очень разумно:

— Покровителем ремесла не обязательно становится тот, кто его выдумал! Им может прослыть любой великий человек, внесший неоценимый вклад в общее дело и изменивший ход истории. Ткачихи почитают матушку Хуан Даопо из династии Сун, но разве до Сун люди не умели ткать и ходили голышом?

Чи Нин застыл на месте, с удовольствием наблюдая за ними со стороны. Он то и дело со значением кивал, соглашаясь то с доводами уродца в синем, то с бойкими речами красавчика в зеленом.

— И все-таки легенда об этом Течжу — чистой воды выдумка! — Синекафтанник и не думал сдаваться. Выпятив грудь, он выдвинул новый неоспоримый довод: — Если он действительно спас императора при основании государства, отчего же после смерти его удостоили лишь скромного чина в Дирекции дворцового хозяйства? А при жизни он и вовсе был жалким княжеским распорядителем шестого ранга?

Княжеский распорядитель — чин мелкий, всего-то шестой ранг, спорить тут не о чем. Красавчик в зеленом не нашелся что возразить по существу, зато мгновенно прибег к излюбленному приему — прикрылся чужим величием:

— А у тебя хватит духу повторить эти слова в лицо евнуху Суню?

Всесильный евнух Сунь, вознесшийся на вершину власти из личной резиденции нового государя, до своего триумфа служил именно княжеским распорядителем в поместье князя Дуаня. Сунь отличался редкостной злопамятностью и больше всего на свете ненавидел, когда кто-то копался в его скромном прошлом. Любой, кто дерзнул бы в его присутствии пренебрежительно отозваться об этой «жалкой» должности, уподобился бы дряхлому старику, который добровольно сует шею в петлю.

Чи Нин почувствовал мимолетную обиду за свое новое ведомство.

«Дирекция дворцового хозяйства в прежние времена знала величие! А эту биографию предка сочиняли с умом, строго следуя законам истории.»

Заметив, что соперник пустил в ход угрозы, невзрачный синекафтанник не растерялся. Он спрыгнул с каменной тумбы, упер руки в бока и заносчиво бросил:

— Ты так яростно зубы заговариваешь лишь потому, что этот Течжу, как и ты сам, родом из Чжэньнана!

Действительно, согласно преданиям, легендарный прародитель происходил из Чжэньнаня — знаменитого края, поставлявшего ко двору лучшие кадры для нужд гарема.

Мальчик в зеленом, лишившись последних аргументов, признал поражение. Он залился горькими слезами и, шмыгая носом, ткнул пальцем в сторону своего обидчика:

— Ты... ты смеешь так измываться надо мной лишь потому, что за твоей спиной стоят люди Мучунь!

«И зачем было прерывать столь славный спор? К чему эти внезапные слезы?» — Чи Нин мысленно подпер подбородок рукой, однако не преминул заметить Юаню: — «И все же, смотреть на чужую глупость — ни с чем не сравнимое удовольствие».

Юань негромко рассмеялся, и в его голосе прозвучали лукавые нотки.

«А-я-то полагал, что ты поспешишь на помощь», — отозвался злой бог.

«Это еще кому?»

«Тому юному кастрату, который столь рьяно доказывал, что ваш Чжэньнань породил великого покровителя всех евнухов». — Юань уже предвкушал, как Чи Нин примется умолять его о содействии, чтобы он мог разоблачить коварные замыслы кукловодов, стоявших за этой сценой. Однако Чи Нин проявил поразительное хладнокровие, ничуть не поддавшись на детский плач. — «Неужто в тебе не взыграло желание восстановить честное имя Течжу?»

«С какой стати?» — Чи Нин искренне изумился. — «Этот Течжу — выдумка от начала и до конца. Его сочинил наставник моего наставника, чтобы потешить собственное самолюбие».

Юань на мгновение замолк.

«...»

Одно только имя «Течжу» — Железный Столб — наглядно отражало грубые, аляповатые представления неграмотного евнуха о мужской силе и тоске по родному краю.

Дед Чи Нина по материнской линии — точнее, его названный дед-наставник — некогда стоял у истоков создания Общества Диншань. На обратной стороне фальшивой надгробной плиты «евнуха Течжу» имя этого предприимчивого старца красовалось первым в списке благочестивых жертвователей. Его изначальная цель была предельно проста: набить собственные карманы за счет легковых глупцов. И какие бы глубокие политические и исторические смыслы ни приписывали Обществу Диншань в более поздние эпохи, в кругу Чи Нина из уст в уста передавали единственно верную, нелакированную историю.

— Десять разбойников с большой дороги не сравнятся с одним торговцем снадобьями, а десять торговцев снадобьями уступят одному жрецу. Нет в Поднебесной дела прибыльнее, чем торговля верой, — частенько говаривал старый наставник со всей прямоотой.

Именно поэтому Чи Нин с малых лет питал стойкое отвращение к любым суевериям. Воспитанный в атмосфере сурового прагматизма, он рано усвоил простую истину: в этом мире глупо верить кому бы то ни было, кроме самого себя.

«Но ведь это плод трудов твоего собственного предка...» — продолжал испытывать его Юань. Ему действительно верилось с трудом, что сердце Чи Нина могло быть настолько черствым. В речах этих мальчишек упоминались и Чжэньнань, и Дирекция дворцового хозяйства — слова, которые должны были задеть за живое.

Лицо Чи Нина осталось невозмутимым, а мысленный ответ так и дышал практичностью:

«Общество Диншань не делится со мной и половиной своих доходов. С чего бы мне за них заступаться?»

Хотя Общество Диншань и зародилось в голове его деда-наставника, у того, помимо евнуха Чжана, имелось множество других учеников. Переходя от одного поколения к другому, это прибыльное дело давно стало кормушкой для враждующих фракций. Чи Нин никогда не тратил слова на то, что не приносило ему прямой выгоды.

«А как же этот смысленный малый?» — полюбопытствовал Юань. — «Разве он не подходит под описание идеального приемного сына, которого ты так искал? Неужели не хочешь забрать его себе?»

«Тот, кто надоумил его разыграть это представление, наверняка думал точно так же», — отозвался Чи Нин.

Юань мысленно вздохнул. Чи Нин был слишком умен; представление закончилось, так и не успев толком начаться.

Юный слуга в зеленом, заметив, что Чи Нин никак не реагирует на его плач, вопреки всем предварительным наставлениям окончательно растерялся. Не зная, что делать, он принялся реветь еще громче. Этот пронзительный визг вызвал у Чи Нина лишь головную боль. Поняв, что зрелище окончательно испорчено, он сухо развернулся и зашагал прочь, не проявив ни капли сочувствия.

Двум малолетним актерам, так старавшимся ради своей роли, достался лишь холодный, безучастный силуэт человека, которого невозможно растрогать.

Поистине выдающийся пример душевной черствости.

У парадных врат Дирекции дворцового хозяйства его путь, напоминавший паломничество за священными свитками, преподнес очередное испытание.

На этот раз обошлось без людских козней.

Чи Нин вновь столкнулся с Одержимостью. Собственно, по дороге из дворца он приметил немало призрачных существ. Большинство из них принимали облик неодушевленных предметов, цепляясь к живым людям. Однако встречались и такие, что клубились разноцветным туманом, обретая смутные человеческие очертания. Каждая обладала своим нравом и упрямо повторяла одни и те же бессмысленные действия.

Чи Нин обладал на редкость крепкой душевной организацией. Пока эти твари не мешали ему жить, он преспокойно делал вид, будто их не существует.

По заверению Юаня, подобные Одержимости практически не могли навредить живым. Любовная одержимость, преследовавшая Су Лу, и загадочный дух, нависший над маленьким принцем, были самыми могущественными существами, которых злой бог встречал за последние века. Большинство Одержимостей и обычные люди существовали словно в параллельных мирах, никак не соприкасаясь и ведя странное, уродливое сосуществование до тех пор, пока человек не умирал, сам обращаясь в духа, или пока тлеющий уголек земных сожалений окончательно не угасал, растворяясь в пустоте.

Даже те духи, что умудрялись принимать человеческое обличье, не представляли опасности. Обладая лишь смутным силуэтом, они походили на клочья тумана или зыбкие тени, способные оказывать лишь ничтожное, медленное влияние на предметы своей страсти.

Прямо у врат Дирекции дворцового хозяйства застыла бесформенная угольно-черная фигура. Неизвестно, какая обида удерживала ее здесь, но, судя по всему...

Этот покойник питал непреодолимую страсть к повешению на глазах у всего честного люда.

Когда Чи Нин впервые проходил мимо ведомства по пути во дворец, этот черный дух усердно свивал из тумана подобие веревки, раз за разом пытаясь забросить ее на потолочную балку над воротами. Из-за крайней неуклюжести призрака дело подвигалось туго. Лишь когда Чи Нин вернулся, бедолаге наконец удалось вздернуть себя под крышу.

Он мерно покачивался из стороны в сторону, больше напоминая ребенка на качелях, нежели несчастного самоубийцу.

Не удержавшись, Чи Нин поднял голову и мысленно обратился к парящему знакомцу:

«Скажи-ка, любезный, качаться под потолком ведомства действительно веселее, чем на ветке дерева?»

Черный дух его услышал. Смертельно оскорбленный такой бесцеремонностью, он принялся яростно вращать белками глаз.

На фоне его абсолютно темного, лишенного очертаний тела две белоснежные глазные щели выглядели пугающе отчетливо.

И были они, надо признать, ослепительно белыми.

«Надо же, он меня слышит!» — удивленно констатировал Чи Нин в разговоре с Юанем. — «А говорить он умеет?»

Юань никак не ожидал от своего подопечного подобной дерзости. Разумеется, он уверял его, что призраки безвредны, но любой нормальный смертный при виде колеблющейся черной мглы почувствовал бы как минимум трепет. И только Чи Нин умудрялся разглядывать потусторонний ужас с праздным любопытством зеваки на ярмарке.

Впрочем, злой бог рассудил, что не имеет права судить Чи Нина. Если ему самому дозволено взирать на смертных как на забавных букашек, то почему Чи Нину нельзя забавляться при виде духов?

«Некоторые Одержимости способны не только слышать твои мысли», — терпеливо разъяснил Юань. — «При должном созвучии душ они могут вступать в полноценную беседу».

Среди смертных действительно встречались те, кто из-за собственной всепоглощающей страсти обретал способность видеть духов и общаться с ними — именно из таких редких встреч и рождались древние легенды о бесах, призраках и законах геомантии. Но Чи Нин видел весь призрачный мир лишь благодаря покровительству Юаня. Сила злого бога была столь велика, что Чи Нин, делящий с ним кров и мысли изо дня в день, невольно перенял малую толику этой таинственной, древней энергии.

«Так умеет ли эта тварь изъясняться?» — с живостью спросил Чи Нин.

Он остановился прямо под воротами и задрал голову с таким видом, словно преисполнился глубокой печали при виде увядающей природы. На самом же деле он настойчиво пытался вызвать висельника на разговор.

Однако дух оказался на редкость капризным и демонстративно проигнорировал его обращение.

«Точно, при жизни он тоже был евнухом», — мысленно резюмировал Чи Нин. — «Только нашей братии свойственна подобная мелочная обидчивость».

Это мысленное замечание окончательно вывело призрака из себя. Разъяренный висельник

задергался с такой бешеной силой, что его покачивания переросли в безумное вращение. В конце концов, нарушая все законы земного притяжения, он повернулся вокруг балки, превратившись из унылых качелей в стремительно вращающуюся ветряную мельницу.

Глаза Чи Нина восторженно заблестели.

«А ведь от него веет приятной прохладой. Похоже, нынешнее лето обещает быть на редкость сносным.»

Черный дух не выдержал издевательства. Сорвавшись на типичный евнушечий фальцет, он яростно прошипел:

«Да чтоб тебя черти прибрали, бесстыдник!»

Чи Нин притворно застыл в глубоком изумлении. Надо же, какая невоспитанная черная мельница!

<http://bllate.org/book/20385/2130730>